

приведу правдивых свидетелей того, что Тора Кружевная Рука, мать Асгерд, была насильно увезена из дома ее брата Торира, а второй раз – из Аурланда от Брюньольва. Она уехала из нашей страны с викингами, которых конунг изгнал из страны. Асгерд, дочь Торы и Бьярна, родилась в изгнании. И прямо удивительно, как Эгиль попирает все, что бы ни сказал конунг Эйрик. Во-первых, Эгиль, ты жил здесь в стране после того, как конунг Эйрик объявил тебя изгнанным из Норвегии. Кроме того, хотя ты женился на рабыне, ты добиваешься для нее наследства. Я требую, чтобы судьи присудили все наследство Бьярна мне, а Асгерд как рабыню – конунгу, потому что она родилась в то время, когда ее отец и мать были изгнанниками, лишенными всех прав.

Потом заговорил Аринбьярн:

– Конунг Эйрик, мы приведем свидетелей и подтвердим их показания клятвами, что мой отец Торир и Бьярн Свободный договорились, что Асгерд, дочь Бьярна и Торы, будет наследницей своего отца Бьярна. Кроме того, конунг, вы сами знаете, что вы дали Бьярну право жить здесь в стране и что тогда было покончено со всем тем, что прежде мешало примирению.

Конунг не спешил с ответом. Тогда Эгиль сказал:

*Он сказал: рабыней
Родилась жена моя.
Алчный Анунд, слушай!
Право на наследство
За женой бесспорно
По ее рождению.
В том готов поклясться, —
Принимай же клятву.*

Аринбьярн вызвал двенадцать человек, чтобы они выступили свидетелями. Все они были уважаемые люди. Они слышали, как Торир договаривался с Бьярном, и предложили поклясться в том перед конунгом и судьями. Судьи хотели принять их клятвы, если конунг не запретит этого. Но конунг сказал, что он не станет вмешиваться и не будет ни разрешать, ни запрещать эти клятвы. Тогда заговорила жена конунга Гуннхильд:

– Меня, конунг, удивляет, как ты позволяешь, чтобы этот знаменитый Эгиль поворачивал все дело по-своему. Может статься, ты не возражал бы ему, даже если бы он потребовал от тебя все твое государство. Но если ты не хочешь оказать Анунду никакой помощи, то я не потерплю, чтобы Эгиль попирает ногами моих друзей и чтобы он неправдой отобрал у Анунда его добро. Где ты, брат мой, Альв Корабельщик? Поспешి со своим отрядом туда, где сидят судьи, и не допусти, чтобы это не-правое дело совершилось!

Тогда Альв Корабельщик и его дружинники побежали к месту суда, сломали орешниковые ве-хи, разрубили натянутые между ними веревки и разогнали судей. На тинге поднялся сильный шум, но люди там были все без оружия.⁶⁰ Тогда Эгиль сказал:

– Послушай, Берганунд, что я тебе скажу!

– Ну, слушаю, – ответил Анунд.

– Я вызываю тебя на поединок. Давай биться здесь, на тинге. Пусть тот, кто победит, владеет всем добром – землями и движимым имуществом. Каждый назовет тебя подлецом, если ты не отважишься на поединок.

Тут говорит конунг Эйрик:

– Если ты, Эгиль, так рвешься в бой, то мы можем предоставить тебе для этого случай.

Эгиль отвечает:

– Я не хочу биться с тобой и с твоей большой дружиной, но от равного числа людей я не побегу, кто бы ни были эти люди.

Тогда Аринбьярн сказал:

– Давай уедем. Все равно на этот раз мы ничего не добьемся.

Он повернулся, чтобы уходить, и о нем все его люди. Тогда Эгиль обернулся и сказал:

– Я беру в свидетели тебя, Аринбьярн, и тебя, Торд, и всех, кто теперь слышит мои слова, и лендрманов, и знатоков законов, и весь народ. Я запрещаю заселять и использовать земли, которые

⁶⁰ Поле тинга было «местом мира», и поэтому на нем нельзя было иметь при себе оружие.